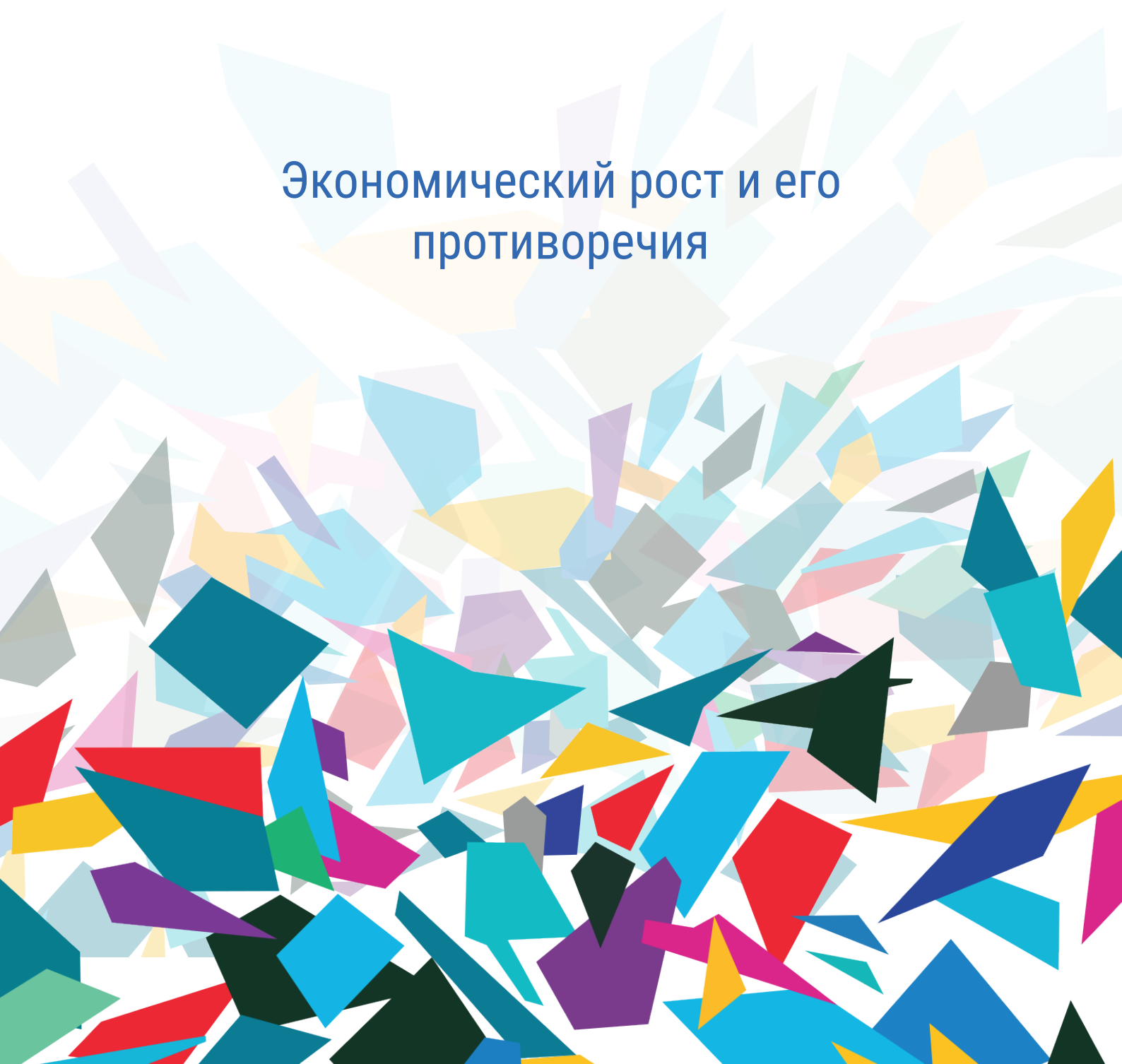

ПАНОРАМА: ИСТОРИЯ МИРА II

Экономический рост и его
противоречия

В 1945 году многие современники, особенно в Европе, опасались повторения ситуации, сложившейся после Первой Мировой Войны. Им казалось, что, как и в 1918 году, миру предстоит восстанавливаться медленно и болезненно, и что это может привести к новым социальным потрясениям, подъему популизма, и установлению, пусть и под левыми лозунгами, очередных диктатур.

Действительность не имела ничего общего с такими, пессимистическими прогнозами. Окончание войны стало началом экстраординарного экономического роста, продолжавшегося, с незначительными заминками, почти 30 лет. Во всем мире он отразился в быстром подъеме ВВП; в индустриальных регионах планеты – Америке, Европе и Японии – росту сопутствовали подъем общего уровня жизни, появление социального государства, развитие общества потребления. Последствия длительного экономического бума за пределами этих регионов были для отдельных стран схожими; однако, в большинстве государств наиболее знаковой тенденцией тридцати лет экономического развития стал бурный рост населения, вызванный не только – и не даже столько – высоким уровнем рождаемости, сколько резким падением уровня смертности и увеличением средней продолжительности жизни.

У роста, невзирая на ряд, казалось бы, положительных манифестаций, была и есть высокая цена, выражавшаяся в первую очередь, в ухудшении состояния окружающей среды. Долгое время люди не понимали – или делали вид, что не понимали – значимости экологии для дальнейшего существования природы и человека. Во второй половине 20 века закрывать глаза на экологическую деградацию стало невозможным – в метафорическом и буквальном смысле этой фразы.

В США экономический подъем связан с войной – даже в большей степени, чем кейнсианскому «Новому курсу» своему выходу из Великой Депрессии страна была обязана вызванному войной индустриальному напряжению. К 1945 году, Соединенные Штаты стали – не просто гигантом, а столпом мировой промышленности.

Слегка замедлившись в первые два послевоенных года, экономика США быстро вернулась к высоким темпам роста. Не в последней мере, это стало следствием вовлечения США в мировую экономику. В соответствии со своим статусом глобальной сверхдержавы, Америка предоставила миллиардные займы европейским государствам – а затем и Японии – направленные на скорейшее восстановление разрушенных войной их экономик. Гуманитарные позывы, безусловно, сыграли здесь определенную роль; однако, первичными по своей значимости были соображения политического характера – а именно, стремление американцев помешать росту радикальных настроений в обществе, способных создать атмосферу, благоприятствующую распространению коммунистических или квази-коммунистических доктрин.

Как бы то ни было, эффекты от помощи, оказанной США оказались моментальными. Европа и Япония не только очень быстро оправились от разрушений войны, но и сами к концу 50-х – начале 60-х годов превратились в ключевых мировых экономических игроков. Поразительные темпы роста, заставившие современников говорить о немецком, японском, и прочих «экономическим чудесах», означали заметное повышение уровня жизни для большинства населения. Последнее было связано с новой экономической моделью – моделью социального государства, или, выражаясь языком высоких идеалов, «государства всеобщего благосостояния». По сути, модель являлась формой взаимодействия между государством со своей социальной повесткой и капиталистическими игроками. Ее смысл заключался в том, чтобы, не прибегая к полномасштабному обобществлению по советскому образцу, посредством системы налогообложения обеспечить все слои населения самыми необходимыми услугами: медицинской помощью, образованием, социальным страхованием, и т. д.

Благодаря внедрению основных положений социального государства, жители индустриальных регионов – Западной Европы в первую очередь – впервые могли не опасаться за свою старость. В качестве отпуска, европейцы могли себе позволить не только пикники за городом, но и путешествия по континенту; социальное государство открыло двери высшего образования небывалому количеству молодых людей. Увеличилась продолжительность жизни; менее острым стало имущественное расслоение. Социальная политика, увеличив покупательную способность людей, создавала новые слои потребителей. Таким образом, послевоенное взаимодействие между социальной демократией и ориентированным на потребителей капитализмом можно смело охарактеризовать как симбиотические.

Важным сопутствующим экономической экспансии явлением стала растущая интеграция ключевых капиталистических экономик. Первые шаги были предприняты уже на встрече в Бреттон Вудс в 1944 году, установившей ряд правил для проведения международных транзакций. Тремя годами позднее между 23 странами было заключено Генеральное соглашение по тарифам и торговле, направленное на либерализацию глобальной экономики, т. е. на возвращение к глобализации, прерванной в 20-х и 30-х годах экспериментами с автаркией.

Наиболее яркий пример интеграции наблюдался в Европе. Здесь, в 1952 году 6 государств – страны Бенилюкса, Западная Германия, Италия и Франция – заключили соглашение об организации Европейского объединения угля и стали. Члены-участники нового международного объединения приняли решение о создании общего рынка по этим ключевым ресурсам. Эксперимент, в котором под одной крышей работали бывшие противники, оказался настолько удачным, что уже 5 годами спустя все те же шесть государств, учредивших объединение угля и стали, основали Европейское Экономическое Сообщество, отменив тарифы, установив единые для всех правила, касающиеся сельскохозяйственной политики, движения капитала и рабочей силы. ЕЭС, как прототип Европейского союза, стал отражением осознания Европой своего нового положения в мире: не имея возможности конкурировать со сверхдержавами в военном отношении, и смирившись с утратой колоний, европейские государства, объединившись, сумели создать один из глобальных центров экономического притяжения, чье влияние, безусловно, чувствовалось далеко за пределами континента.

Сильный экономический рост наблюдался и на восточной стороне Железного Занавеса – хотя, конечно, учитывая преобладание нерыночной экономики планового хозяйства в социалистическом блоке, здесь он принял формы, несколько отличные от тех, что были присущи экономикам т.н. «свободного мира». Экономика СССР восстановилась от наиболее пагубных последствий войны достаточно быстро, и уже к 1950 году страна вышла на довоенный уровень. Проблема, однако, заключалась в том, что рост, в основном, происходил за счет капиталовложений в производство средств производства, не отражавшихся заметно на благополучии людей. Пришедший к власти в Советском Союзе после смерти Сталина Никита Хрущев действительно пытался перенаправить часть ресурсов именно на увеличение производства товаров народного потребления: обуви, одежды, мебели, бытовой техники и т. д. Некоторых успехов удалось достичь в этой области, хотя, конечно, качество советской продукции, направленной на массовое потребление, оставляло желать лучшего. При Хрущеве также начался строительный бум, выразившийся в появлении «хрущевок» – массовой застройке дешевых типовых кирпичных и панельных жилых домов. Можно было сетовать на качество постройки, планировку квартир, их малогабаритности, но бесспорным остается факт того, что впервые у миллионов советских семей, ютившихся до этого в коммуналках и бараках, появились небольшие собственные квартиры, ограниченные пространства, гарантирующие им незнакомую ранее степень приватности.

Одним из результатов экономического роста в СССР и восточной Европе стало появление своеобразного потребительского общества. Его отличие от западноевропейского или американского аналога состояло в том, что оно пребывало в атмосфере постоянного дефицита. Дефицит, однако, не умолял желания потреблять, скорее, даже наоборот, обострял его, наделяя «социалистическое потребление» важным политическим содержанием. Все это, конечно же, осознавали партийные вожди, стремившиеся найти баланс между высоким уровнем затрат на военно-индустриальный комплекс и необходимостью удовлетворять растущие нужды населения. В восточной Европе, в частности в Польше, это привело к приобретению западных товаров – от сигарет, джинсов до автомобилей – за счет внешних кредитов. В краткосрочной перспективе, такой подход поднял легитимность партии в глазах населения. Однако одновременно он повлек за собой частичный пересмотр социального контракта: если в 30-х и даже 50-х годах лояльность общества можно было поддерживать как большими, но малозначащими промышленными проектами, так и обещаниями «светлого будущего» впереди, то с 60-х годов кредит доверия власти находился во все большей зависимости от того, в какой степени она выполняла свои функции «поставщика» товаров потребления. В долгосрочной перспективе, такая политика была чревата самыми пагубными для партии последствиями, тем более что к середине 70-х годов экономический рост социалистических экономик значительно замедлился.

Совершенно иными были эти годы для другого гиганта соцлагеря – Китая. Пришедшие в 1949 году к власти коммунисты, как когда-то большевики, осознавая необходимость индустриализации, не понимали, каким образом воплотить свои замыслы. В 1958 году, после периода внушительного роста, Мао Цзедун, председатель ЦК КПК, объявил о начале «большого скачка», в результате которого Китай должен был превратиться в промышленную державу. Крестьянам, подвергнувшимся предварительной коллективизации, было поручено создавать в деревнях кустарное чуть ли не подворное производство стали, изготавливать транспортные средства и инвентарь. Продукты подобного производства были крайне низкого качества и поэтому не были пригодны к использованию. Одновременно с этим началась и компания по уничтожению воробьев, объявленных главными полевыми вредителями. Эта война с природой, вместе с массовым привлечением крестьян к незнакомой им псевдо-индустриальной деятельности, обернулась настоящей катастрофой для страны: результатом стало не экономическое чудо, а страшный голод, жертвами которого пали от 20 до 40 миллионов человек.

После очевидного провала «большого скачка», Мао отошел временно в тень, но уже в 1966 году им была инициирована под его руководством так называемая «Великая пролетарская культурная революция» – серия компаний по искоренению «буржуазных элементов» из всех аспектов жизни Китая. Молодежь призывали активно бороться с классовыми врагами: не только представителями духовенства, или бывшей аристократии, но и заподозренными в симпатии к западным ценностям интеллигентами или отклонившимся от «генеральной линии» членами партии. Проходящая на фоне внутривластной борьбы, Культурная революция за несколько лет привела Китай на грань политического хаоса и экономического коллапса. В конечном итоге, Мао, упрочив свое положение в партии, решил сбавить обороты, но ситуация в стране продолжала оставаться напряженной вплоть до его смерти, наступившей в 1976 году.

Как показал пример того же Китая, как минимум до 60-х годов, понятие индустриализации, как основы национальной силы и источник общественного благополучия, вызывало, в основном, положительные коннотации. Ведущие политики развитых капиталистических государств, партийное руководство в странах соцблока, выдвинувшиеся во время деколонизации лидеры молодых наций – все они оперировали категориями модернистских проектов, чей смысл сводился чаще всего к тому, чтобы заставить природные ресурсы работать на экономическое развитие.

Отношение, однако, начало меняться по мере выяснения ущерба, наносимого всевозможными модернистскими начинаниями. Ценой экономического роста, потребительского процветания, индустриального усиления, сельскохозяйственного бума стало загрязнение воды и воздуха, обезлесение и, как следствие, опустынивание, эрозия почвы, исчезновение десятков видов животных и уникальных микроклиматов. Пестициды, химические удобрения, биоинженерия многократно повысили урожайность, ликвидировав во многих регионах риск голода и эпидемических болезней. Вместе с этим, они вызвали радикальные перемены в экосистемах, приведя к замене одних растений на другие, и поставив человека, живущего в этих регионах, в зависимое положение от выращиваемых им генномодифицированных и стерильных агрокультур.

В конечном итоге, вызванное комбинацией экономического и демографического роста резкое ухудшение экологии, отразилось и продолжает отражаться на жизни и здоровье самих людей. Приведенный выше эпизод с воробьями, поголовное уничтожение которых стало одним из факторов массового голода в Китае является наглядной иллюстрацией связи между окружающей средой, государственными амбициями и человеческими судьбами. Весьма показателен пример Асуанской плотины, построенной в 60-х годах с советской помощью в среднем течении Нила. Гамаль Абдель Насер, многолетний президент Египта, считал, что плотина поможет стране стать самостоятельным производителем продовольствия. Вышло, во многом, наоборот: ценный ил, в течении тысячелетий обогащавший почву долины Нила, задерживался выше плотины в районе водохранилища Насер. Фермеры, обрабатывающие землю ниже плотины, зависели от химических удобрений, приобретаемых, в основном, импортным путем. Массовое использование удобрений стало причиной загрязнения почвы, а засорившаяся в результате роста водорослей и эйхорний ирригационная система – засоления и подтопления.

Египет, чье население с 1950 по 1980 гг. выросло более чем в два раза и достигло 45 миллионов человек, так и не обрел продовольственной самодостаточности – действительно, в настоящее время страна импортирует порядка 60 процентов своего годового запаса пищи.

Компанию против воробьев и провал Асуанской плотины можно было бы списать на «ошибки в планировании», недостаточное знание, или просто мегаломанию диктаторов. Однако, экологические проблемы, связанные с индустрией и экономическим ростом, относятся в не меньшей степени и к развитым, демократическим регионам. Всем известный Лондонский смог является непосредственным следствием химического взаимодействия промышленных выделений с солнечным светом; в декабре 1952 года, от «накрывшего» город «Великого смога» погибло 4000 человек – младенцев и стариков в первую очередь; в ближайшие месяцы от отравлений скончалось еще 8000 человек. Серьезными были последствия послевоенного восстановления германской промышленности, в особенности в Рурском бассейне. Некогда живописный Рейн превратился в безжизненную реку с опасными для людей и животных токсинами в ней.

Экологические катастрофы и их эффект на жизнь людей с 1960-х годов стали все больше привлекать внимание общественности. Становилось все более и более очевидным, что перманентно возрастающие интересы общества симметрично вступают в конфликт с интересами окружающей среды. В Англии под впечатлением от «Великого смога» еще в 1956 году, а затем и в 1968 году были приняты законодательные акты, направленные на улучшение состояния воздуха в стране. В 70-х годах в Западной Германии правительством были сделаны первые шаги по очистке Рейна. В 1963 году в США конгрессу был представлен законопроект, регламентирующий контроль над качеством воздуха; 9 годами позднее похожий проект, теперь уже касающийся воды, приобрел, после баталий палаты представителей с президентом Никсоном, силу закона.

Все из вышеперечисленных мер пришлось на конец 50-х – начало 70-х годов 20 века. Это было далеко не случайным, ведь именно этот период и стал временем глобального протеста и борьбы за справедливость. Изменение отношения к окружающей среде полностью вписывалось в этот контекст, так как ухудшение в состоянии экологии являлось следствием серьезнейшего дисбаланса в распределении политической и экономической власти.